

ставленням до релігії, до найвиразніших ознак якого можна віднести такі паттерни як: релігійна свобода, релігійний плюралізм, громадянська релігія, толерантність, месіанізм, харизматичність, віра у релігію.

Виокремлюючи американізацію як самостійне явище, особливу тенденцію сучасного суспільного розвитку людства, треба безумовно мати на увазі, що цей процес як і інші конвергентні відтворюються не лише на тлі але й в усій їх сукупності, наведемо лише один з прикладів можливого аналізу.

Вельтізація (від нім. *die Welt* — світ). Це конвергентний процес, який характеризує потяг представників різних релігій до створення всесвітньої організації, яка б об'єднала всі релігійні традиції на ґрунті подолання історично існуючої відчуженості. Найбільш яскравим прикладом цього конвергентного процесу є існування Парламенту світових релігій, створеного у 1993 р. в Чикаго (США), в діяльності якого беруть участь представники багатьох деномінацій.

Глобалізація (від франц. *global* — загальний, всесвітній) — позначає процес виникнення і поширення явищ, які мають наддержавний вимір.

Глобалізацію часто-густо ототожнюють з американізацією та вестернізацією. Однак при наявності сходження у цих процесах, треба принаймні у наукових розвідках їх розмежовувати. Зараз ми лише нагадаємо, що до трьох названих тенденцій суспільного розвитку сучасності можна вже сміливо додати і «істернізацію».

Отже можна розмежовувати ці явища: американізацію як самостійний вплив паттернів США на сучасне суспільство, що глобалізується; вестернізацію — феномен розповсюдження загальних для Америки та інших демократичних західних країн цінностей у всьому світі, та «глобалізацію» — визначення якої вже було вище наведене.

СУМАРОВА Л. Н.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент

КРИТИКА ЛОГИКИ ОТ СЕКСТА ЭМПИРИКА ДО ДЖ. ЛАКОФФА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Судьба логики всегда была тесно связана с уровнем общеполитических представлений о человеке, о мире, о познании. Современные критические взгляды на логику, принимающие иногда форму нигилизма, как в постмодерне, или более мягкую форму упреков в несовершенстве логических моделей мышления, на наш взгляд, весьма полезно сравнить с аналогичными ситуациями в истории логики. Таких ситуаций

было немало. Критика логики время от времени происходила либо из стремления ее усовершенствовать некоторым радикальным образом («реформа логики», создание «новой логики», новых разделов логики), либо из такого переосмысления участия логики в познавательных процессах, в культуре в целом, которое значительно меняло ее статус и значимость, масштаб действительного участия в человеческом мышлении.

Поскольку логика и юриспруденция и формировались, и развивались в тесном взаимодействии друг с другом, то для методологии юриспруденции вопрос об эффективности логики, ее возможностях далеко не безразличен.

В последнее время интерес к данной проблеме явно возрастает: появляются работы об идеях реформирования логики в историческом контексте. Наша задача состоит в том, чтобы, во-первых, привлечь внимание к самой проблеме критериев оценки эффективности логики в разные исторические периоды, а во-вторых, на некоторых примерах пояснить, как могут видоизменяться эти критерии.

Сначала обратимся к знаменитому трактату Секста Эмпирика «Против логиков», написанному на рубеже II–III столетий н.э. (Секст Эмпирик. Соч. в 2-х т. — Том 1. — М.: Мысль, 1976. — С. 61–243). Перед нами высший уровень критичности по отношению к логической науке того времени, по существу переходящий в нигилизм. Отправной точкой для автора является общее представление о наличии в философии трех частей: физической, этической и логической. Он считает, что Фалес принимал только первую, Сократ — преимущественно вторую, Эвбулид — третью, а вот Платон, перипатетики, эпикурейцы и стоики — разрабатывали все три части философии. Сам Секст считал, что все части неразрывно связаны и более совершенными учениями являются те, которые это понимают. «Если во всякой части философии нужно искать истину, то нужно прежде всего иметь достоверными принципы и способы ее распознавания. Логический отдел во всяком случае охватил теорию о критериях и доказательствах. Значит, нам нужно положить начало отсюда» (Указ. соч. — С. 64–65). Скептицизм по отношению к логике, как видим, не исключает признания логической части философии как фундаментальной. Анализ категорий «истина» и «критерий», который производится Секстом, ведет к аналогичному выводу. Признавая ложными как утверждения логиков, так и их отрицания, автор защищает позицию контрдиалектической изостении (основанную на противоречии всего всему). Говоря об этой позиции, А. Ф. Лосев отмечает, что «в античном скептицизме удивительным образом объединяются и даже отождествляются две разные области, которые обычно всем кажутся не только разными, но даже и несовместимыми» (Вступит. статья к 1 т. — Указ.соч. — С. 49). Эти области — всеобщее отрицание (всеобщий релятивизм) и абсолютизм. Сам термин «изостения», как замечает А. Ф. Лосев, означает «одинаковость мысли», «равнозначность»,

«равновесие», «взаимное предположение, утверждение и отрицание»; у Секста Эмпирика главным значением этого термина является равнозначность именно утверждения и отрицания, и это он считает принципом всей скептической философии (Там же. — С. 50). Этот принцип относится, в первую очередь, к философским доказательствам и философским теориям. Верность этого принципа, по Сексту, подтверждает жизнь, которая состоит из того, что «кажется», а не из того, что «с необходимостью есть». Примером действия принципа изостении можно считать, по-видимому, факт появления неевклидовых геометрий, а также ряда неклассических логик, основанных на отрицании одного из основных законов логики (интуиционистская логика, например). Признание равноценности аксиомы и ее отрицания, правила и его отрицания может быть продуктивным началом разработки альтернативных картин мира, альтернативных методов познания, а может быть простым жестом несогласия, нигилизма, аномии, который сам по себе выполняет лишь деструктивную роль.

Чтобы критика логики была конструктивной, она должна опираться на некоторую целостную философию, соотносящую онтологию, гносеологию и праксеологию как аспекты единого знания; при этом принцип изостении может быть принят как эвристический методологический принцип.

Один из современных примеров критического отношения к логике можно увидеть в работе Джорджа Лакоффа. Основной упрек в адрес логики здесь состоит в том, что логическая модель мышления не адекватна прототипу: логика XX века представила процесс мышления как «механическое оперирование абстрактными символами, которые не имеют значения сами по себе», а разум человека — как «абстрактную машину, оперирующую символами, ... как это делает компьютер, то есть посредством алгоритмического исчисления» (Дж. Лакофф. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011. — С. 11). Признавая данную критику справедливой, вместе с тем, отметим, что сам характер этой критики отличается, по сравнению с Секстом Эмпириком, более узким философским горизонтом рассмотрения проблемы. Ограниченность господствующей модели логики автор пытается преодолеть, выходя за пределы этой науки. А дело, как представляется, состоит в том, чтобы применить принцип изостении внутри логики, расширив ее предметную сферу до тех границ, которые были очерчены в античности.